

Военный самолёт из Элисты приземлился точно по расписанию. Делегат партийной конференции майор Козлов, прибывший этим бортом в Ростов-на-Дону с докладом о чрезвычайном положении во вверенном ему подразделении, живо спустился по трапу и направился к тентовому УАЗу, что ждал его у ворот КП.

— Здравия желаю! — приветливо улыбнулся офицеру молодой сержант. — Майор Козлов, с Элисты?

— Точно так, — отчеканил майор и, подобрав полы шинели, примостился на переднем сидении. — Ну, в Дом офицеров!

Ростов встретил гостя пеленой утреннего тумана, что тянулось с Дона. Город уже проснулся, легковушки сновали по мокрой мостовой, громыхали старенькие трамваи, на остановках, прячась за воротниками от прогорклого декабрьского ветра, толпились люди. УАЗ заносило, водитель выворачивал руль, ворчал что-то недовольно себе под нос, чертыхался и сетовал на местную погоду. УАЗ промчался по набережной, свернул на проспект и затормозил у ДОФ. Над входом в Дом офицеров торжественно рдела яркая вывеска с надписью «Ростов-на-Дону приветствует делегатов партийной конференции»

1988 года!». По краям на стальных древках пестрели флаги всех родов войск. Духовой оркестр в парке играл «На сопках Манчжурии», а в курилке неподалеку толпились военные, бурно обсуждая армейские новости и кадровые перестановки в округе.

— Козлов! Анатолий Семёныч! — громко окликнул майора подполковник в лётной форме. — Не узнаешь? ГДР, Гриммен штат! Ну?

— Далатов, Юрий Николаевич! — Козлов протянул руку коллеге. — Как же, очень хорошо вас помню! Вторая эскадрилья!

— Точно! — расплылся в улыбке подполковник и дружески похлопал однополчанина по плечу. — Ну, рассказывай, где сейчас?

— В Элисте, замком части!

— Молодцом! Из Германии давно?

— После вас вывели — на нас же сгрузили технику, оборудование! Пока всё не вывезли в части и торчали, уже ни полётов не было, ни молодых из лётного состава, одни мы, «старики».

— Да-а... — со вздохом произнес Далатов и, щёлкнув зажигалкой, поднёс огонь к сигарете Козлова. — Неправильно это всё! Такой плацдарм капиталистам отдали! Да что там!.. — в сердцах махнул он рукой. — Людей бросили! Как предали!..

Некоторое время он сетовал на дела прошлого, но, наконец, печально вздохнул и сменил тему:

— Повезло, что тебя встретил. Недавно с ребятами вспоминали Германию. Всё хотел узнать, ты слышал что-нибудь про командира полка обеспечения авиации ГДР... Имя всё не могу вспомнить! Он в Ленинградском артиллерийском учился, жена, по-моему, у него русская.

— Хельмут?

— Точно, Хельмут! Старею, Толя, забывать стал офицеров!..

— Я сам про него не так давно вспоминал. Часто ведь собирались семьями, на отдых выезжали. А вы Курта Повельциха помните?

— Председателя общества русско-германской дружбы? Как же!

— Так вот, парни от него слышали: как ГДР развалили, перед тем как открыть ворота и снять посты, Хельмут на общем построении зачитал приказ о расформировании части. Поблагодарил всех за службу, извинился, сказал, что после

падения стены не считает возможным изменить присяге и служить дальше под началом нового командования! Руку под козырёк — «Честь имею» — и прямо перед строем пустил пулю в висок!

— Настоящий был офицер! — после короткой паузы с горечью добавил Далатов и бросил окурок в урну.

— Лучший! — утвердительно вставил Козлов и взглянул на часы. — Пора, скоро заседание начнётся. Командующий не терпит, когда опаздывают.

Анатолий сдал вещи в гардероб и прошёл в большой зал, наполненный запахами одеколона и гуталина. Делегаты шумно рассаживались по местам, и тут Козлов приметил знакомое лицо во втором ряду. Протиснувшись сквозь толпу, он подсел рядом.

— Доброе утро, Валерий Николаевич!

С полковником авиации Валерием Николаевичем Очировым Козлова связывала давняя дружба. Познакомились они в Германии, когда Очирова перевели из Афганистана в шестнадцатую Армию Военно-Воздушных сил ГДР. Среди боевых лётчиков он пользовался непререкаемым авторитетом: сослуживцы рассказывали, что в Афганистане не была сбита ни одна боевая машина из его части. Затем их дороги разошлись: Очирову присвоили звание героя Советского Союза и в срочном порядке отозвали в Москву. Спустя несколько лет они столкнулись в Элисте, где Очиров командовал авиаполком.

— Рад тебя видеть! — приветливо улыбнулся Очиров — Наслышан о твоём аэродроме; говорят, ты весь округ на уши поднял, я уже про КЭЧ не говорю! Что ж, теперь, вроде, можно тебя поздравить! Докладывали, сдали ваш объект.

— Верно сказано, — с издевкой ухмыльнулся майор. — «Сдали!» Вроде как врагу после тяжёлых оборонительных боёв! Очень много вопросов по приёму объекта! Если честно, руки оторвал бы и тем, кто строил, и тем, кто принимал.

— Ну, это ты умеешь! Уж я-то знаю... И, кстати, такая возможность тебе сегодня представится! — Очиров с хитрецей глянул в сторону верхних рядов, — один из обладателей тех рук, про которые ты говорил, здесь!

На сцене меж тем началось движение. За длинным столом, накрытым бордовой скатертью из дорогого бархата, рассаживался президиум партсобрания во главе с Главкомом Се-

верокавказского Военного Округа. По правую руку от него расположились высокие чины, по левую — старшие офицеры. И те, и другие, наскоро просматривая программу конференции, спешно вносили на полях пометки карандашом. Всё было вполне обыденно для такого мероприятия, если не брать во внимание тот факт, что в состав президиума вошли два сержанта, прапорщик-танкист и женщина в строгом костюме с шиньоном на голове, внешностью напоминающая Людмилу Зыкину.

— Товарищи офицеры! — седой полковник из президиума постучал по графину. — Попрошу тишины!

Дождавшись полного штиля, он продолжил:

— С программой проведения конференции вас ознакомит секретарь — подполковник Волков Сергей Геннадьевич, а пока, товарищи офицеры, всех желающих взять слово прошу направить в президиум заявку.

После вступительной речи Волкова, короткой и лаконичной, место у трибуны занял майор-танкист из Аксяя. И пока тот, слегка заикаясь от волнения, монотонно зачитывал текст доклада, перечисляя даты, марки боевых машин, полигоны и фамилии офицеров, Козлов быстро начеркал на листке свои данные и передал в президиум. После финальных слов докладчика в президиуме с облегчением вздохнули, и полковник ВДВ громогласно объявил:

— А теперь слово предоставляется председателю Комитета солдатских матерей товарищу Жильцовой Тамаре Геннадьевне. Приготовиться делегату от ВВС майору Козлову Анатолию Семёновичу.

Крупная женщина с армейской выправкой подошла к трибуне и сурово оглядела поверх очков первые ряды офицеров:

— Добрый день, товарищи! Сегодня мне представилась возможность выступить от имени всех матерей, чьи дети стали жертвами армейского произвола. Все вы помните, что в своей речи генеральный секретарь КПСС лично заявил, что дедовщина — это первый враг перестройки! Но, тем не менее, она процветает!

Женщина достала из папки кипу бумаг и демонстративно потрясла ею перед делегатами:

— Ознакомьтесь на досуге, статистика просто ужасающая! Особо хочу отметить, что командиры подразделений

откровенно закрывают глаза на бесчинства старослужащих и сержантского состава, развязывая руки подонкам, которые измываются над молодыми, устанавливают в частях свои грязные порядки! Хотя правильнее, наверно, будет сказать — беспорядки! В составе комитета с матерями солдат, пострадавших от дедовщины, я побывала во многих воинских подразделениях Ростовской области, беседовала с новобранцами, военнослужащими срочной службы, и нигде, слышите, ни в одной части не услышала, что нет дедовщины!

Женщина хлопнула бумагами о трибуну и, сняв очки, убрала их в нагрудный карман пиджака. Умудрённые опытом офицеры приготовились: что-то подсказывало им, что сейчас этот делегат, подобно боевой машине, бросится в атаку... И они не ошиблись.

— До каких пор, — повысив тон, обратилась дама к президиуму, — мы будем это терпеть?! Какие меры приняты к тем офицерам, под командованием которых творился, позволю себе сказать, этот беспредел? Может, зачитаете, сколько возбуждено уголовных дел, связанных с дедовщиной? Сколько офицеров уволено из армии за бездействие или пособничество?

Не дожидаясь ответа, Жильцова подошла к краю сцены и с каким-то внутренним презрением к присутствующим выплеснула в зал:

— Я абсолютно уверена, что и вы, товарищи командиры, в курсе всего происходящего, но вместо того, чтобы покончить с этим безобразием, потворствуете «дедам!» Идёте на поводу у молодых лейтенантов, которым такая ситуация на руку!

В зале воцарилась гробовая тишина. Офицеры, многие из которых прошли войну и не раз сталкивались со смертью лицом к лицу, виновато потупили взгляды. Их учили военной стратегии, учили защищать Родину. Само понятие Матери было для этих людей святыней! Может, именно поэтому офицеры, что без раздумий шли в атаку, сейчас выглядели провинившимися бессловесными школьниками на уроке перед строгой учительницей. Это, видимо, приободрило оратора, и она, уже разогретая своими обвинениями, решила поставить в заключении жирную точку:

— Гнать надо таких горе-офицеров из армии поганой метлой! И не просто гнать! Сначала — показать всей стране в программе «Время», чтобы мать этого горе-лейтенанта прочув-

ствовала эту боль на себе, как и матери, которые отправляли своих детей на службу, доверяя офицерам их судьбы! Пусть все посмотрят и задумаются! Как итог, предлагаю публично, перед камерой, сорвать с него погоны — у таких нет офицерской чести! Только жёсткими методами мы сможем переломить ситуацию в войсках!

— Вот тебе и демократия! — шепнул Очиров, — сейчас у неё больше полномочий, чем у комдива! Им в штабе округа предписание выпишут в любую часть, а уж там они развернутся!

Не дождавшись возражений из зала, женщина поправила шиньон и, мерно выбивая каблуком победный марш, вернулась в президиум. Гордо выпятив грудь, она села на кресло, и небрежно бросила что-то колкое полковнику и положила перед ним бумаги. После пылкой речи Тамары Геннадьевны и её короткой фразы, которая сильно задела седого вояку, он нервно постучал ручкой по столу и придвинул к себе микрофон:

— Слово предоставляется делегату партийной конференции майору ВВС Козлову Анатолию Семёновичу.

Козлов поднялся на сцену. После слов Жильцовой, с такой легкостью навесившей ярлыки на молодых лейтенантов, ему было немного не по себе, однако он собрался с мыслями и начал:

— Товарищи офицеры, коммунисты! Я рад, что на этой партийной конференции присутствуют делегаты от всех родов войск, в том числе и офицеры штабов, инженерных и строительных частей. Перейду сразу к делу: я прибыл из Элисты! Для многих, наверное, не секрет, что сейчас там находится военный аэродром. Я прибыл в часть практически с начала строительства военного городка и самого аэродрома. Вместе с солдатами жил в полевых условиях. Когда ко мне переехала семья, мы поселились в землянке, которую снимали у калмыков. И вот — за время строительства части я стал свидетелем того, как в соседних селениях заметно улучшился уровень жизни местного населения. Стали возводиться дома из добротного кирпича той же марки, что и наши печи в новой котельной, которая, к сожалению, находится в нерабочем состоянии! Однако по бумагам котельная, не прошедшая испытания, безукоризненно отапливает казармы с начала зимнего периода! И теперь я хочу задать вопросу руководству тех служб и ведомств, под чьим чутким

надзором проходило строительство объекта, и тех высоких чинов, которые, несмотря на недоделки, — а я заявляю это не голословно, — приняли стратегически важный объект: как получилось, что военный аэродром, на котором проходит обучение лётного состава Краснодарского лётного училища, а также — подготовка пилотов стран Варшавского договора, кубинцев, афганцев, к зимнему периоду оказался не готов? Почему казармы отапливаются силами бойцов?!

За столом оживились. Полный полковник с края стола заметно занервничал. Вытирая пот, что ручьями катился по вискам, заливая ворот рубахи, он тяжело вздыхал и косился на главкома. Того бойкая речь делегата задела за живое, он открыл блокнот и стал быстро записывать. Седой полковник, что ловил каждое слово Козлова, повернулся к нему и сурово пробасил:

— Что значит «не готов»? Конкретизируйте, товарищ майор! Насколько мне известно, котельная готова и уже в работе.

— Так точно! — кивнул в ответ Козлов — формально готова, на бумаге! Но не на деле! Испытаний, как я уже озвучил, котельная не проходила, а после запуска выяснилось, что котлы построены с нарушением и не соответствуют технической документации. Сейчас мы выходим из положения своими силами, но всю зиму... Извините! Лётная, техническая, диспетчерская, руководство полётов, казармы, штаб, столовая, наконец! Все эти объекты должны работать в нормальных, а не, простите, формальных, точнее сказать — полевых условиях! И солдаты с офицерами не обязаны думать за КЭЧ!

В зале переглянулись, зашептались. Конечно, перестройка, демократия и гласность пришли в войска, но не настолько, чтобы вот так открыто заявить о плачевной ситуации в части и некомпетентности вышестоящего руководства в присутствии главкома округа — человека сурового нрава. Однако все понимали, что положение в некоторых подразделениях было удручающим, и, заяви об этом человек в погонах полковника, ответ был бы очевиден: не можете повлиять на ситуацию, не владеете обстановкой на местах! А тут — майор, простой офицер, которому врать и сгущать краски было ни к чему. Все замерли в ожидании, но главком не торопился, он продолжал старательно делать записи в тетради, потом вырвал листок и передал Волкову. Полный полковник рядом совсем сник,

он ослабил галстук и, расстегнув верхние пуговицы рубашки, положил под язык таблетку.

— У вас всё? — спросил всё тот же седоволосый полковник.

— По этому вопросу — да, — доложил Козлов и взглянул в зал. — А теперь — прошу буквально пару минут вашего внимания. Тут передо мной выступала женщина, которая так жёстко высказалась о молодых офицерах. Так вот — я хотел бы возразить! Все здесь присутствующие, в том числе и члены президиума, были младшими офицерами. Я больше чем уверен, всем пришлось помотаться с семьями по гарнизонам!

Женщина с недовольством глянула в сторону трибуны и безразлично вздохнула: видимо, речь показалась ей обычным армейским штампом. Однако майор продолжил:

— Как-то меня направили служить в часть рядом с небольшим городком. Сынишка учился в первом классе, а я с утра до ночи был на службе. Однажды супруга мне пожаловалась, что сын несколько раз обмочился в школе. Ну, хоть и ребенок, а писаться — сами понимаете... Тем более, никогда он этим не страдал. Я решил с ним поговорить, по-доброму, по-отцовски! Долго не мог достучаться до мальчишки — замкнулся он, стыдно было говорить правду, а она оказалась вполне обыденной. В школьном туалете — излюбленном месте восьмиклассников, где они трутся каждую перемену, — забирают у малышей деньги, шпыняют, ставят щелбаны, в общем, издеваются над маленькими! И этих стервецов — трое! Как выяснилось, об их выкрутасах знает вся школа, учителя, даже родители! Это один пример, а ведь таких старшеклассников сотни! И все разводят руками — и педсовет, и родительский комитет! Все вздыхают, охают, но сделать с ними ничего не пытаются, дороже честь школы: и вот, ждут не дождутся, когда эти «трудные детки» закончат восемь классов и уйдут в ПТУ! А в ПТУ, эти разнузданные подростки, уже ощутившие своё превосходство и безнаказанность, будут грубить и хамить преподавателям, ну и, как следствие, всё так же унижать и измываться над теми, кто слабее, младше! И что б вы думали? Опять же важнее доброе имя училища, а потому — ни родительский комитет, ни педсостав ПТУ ничего не смогут с этими подонками поделать. И тогда... Правильно, все приходят к единому мнению, что исправить хулиганов может только армия! И вот наступает день, когда этот хулиган одевает военную форму, и всё самое

худшее и подлое, что он взял от жизни, приносит с собой! И здесь, с себе подобными он захочет установить свои правила!

Козлов поправил китель и повернулся к Жильцовой.

— Вот вы тут хотели с молодого лейтенанта публично сорвать погоны! За что? За то, что он вовремя не остановил подонка, которого не смогли воспитать в семье, в школе, в училище? А ведь зачастую этот лейтенант всего на несколько лет старше подчиненного! Знаете, мои офицеры говорили, что в школах преподаватели даже пугают армией! Да, учителя так и говорят: не будешь хорошо учиться — пойдёшь не в институт, а в армию, а там из тебя дурь выбьют! А то и вовсе приплетают Афганистан и цинковые гробы! Может, вашему комитету как-то деликатнее начать с нашей системы образования — положим, с патриотического воспитания молодёжи? Ведь все эти взаимоотношения воспитываются и зарождаются, прежде всего, в семье, впитываются с молоком матери!

Женщина покраснела, надела очки и изучающим взглядом окинула выступающего делегата.

— Товарищ полковник, — без извинений перебила она Козлова, обращаясь к седому председательствующему. — Мне кажется, докладчик отступил от темы!

Она повторила эту фразу дважды, но старый военный и бровью не повёл. В зале настороженно притихли, делегаты, затаив дыхание, слушали выступление майора, который сейчас говорил от имени всего зала.

— Так вот, — продолжил Козлов, — у того лейтенанта, как вы справедливо подметили, тоже есть мать, она тоже отдала своего сына на службу. Государство пять долгих лет обучает юношу в военном училище, тратит большие деньги на обмундирование, питание, военные полигоны. Его учат военному ремеслу, учат для того, чтобы в бою он сохранил жизнь своим солдатам, а если понадобится, без капли сомнения отдал за них свою! Он обязан обучить солдата стрелять, проходить марши, чтобы знанием и умением в боевых условиях сохранить ему жизнь — вот поставленная перед ним боевая задача! Молодой офицер, как правило, незаметен, его бытом мало интересуются, он мотается с семьёй по гарнизонам, годами мается по съёмным углам, общежитиям без удобств, с утра до ночи проводит на службе, а по выходным ходит в дежурство! С этого лейтенанта вы хотите сорвать погоны?

Жильцова опустила глаза. Она уже не выглядела той прежней победительницей, что могла раздавить любого конкурента. Майор же продолжил говорить — спокойно и уверенно.

— И к слову о чести. Я — потомственный военный, династия тянется от первых казаков, населивших Якутию. Дед в гражданскую под командованием Ивана Строда воевал, от него в наследство досталась старая казачья бляха с гравировкой «Сердце — женщине, жизнь — Отечеству, честь — никому!». Скажу коротко: честь — она либо есть, либо её нет, и лишить офицера чести, публично или как вы там ещё предлагали, не сможет никто! Майор Козлов доклад закончил!

На какое-то время зал смолк, и вдруг с последнего ряда поднялся человек и начал хлопать. Один за другим его примеру последовали другие, и вскоре волна аплодисментов хлынула из зала и, словно прибой, захлестнула сцену. Главком был невозмутим, но такая реакция подчиненных явно пришлась ему по сердцу. Жильцова помрачнела, однако мужественно приняла поражение. Козлов уже спустился со сцены, а офицеры всё аплодировали стоя.

Объявили перерыв, и народ потянулся к выходу. В дверях Козлову не давали прохода, офицеры всех родов войск обступили его плотной стеной, каждый старался пожать руку или дружески хлопал по плечу; те, кто не мог прорваться сквозь толпу, просто выкрикивали «Авиация на высоте, молодец, майор!».

Но неожиданно офицеры притихли и расступились. Прихрамывая, к Анатолию подошел пожилой полковник авиации в кителе, увешанном наградами, среди которых выделялись «За отвагу», «За взятие Кёнигсберга» и «За взятие Берлина». Он заглянул Козлову в глаза и, как мог, крепко сжал его руку:

— Спасибо, майор! Спасибо, сынок! От меня и от всех боевых офицеров — спасибо! Крепко ты прижал, по-нашему!

Слова фронтового офицера проникли Анатолию в самое сердце: он смотрел в глаза старика и понимал, что значили они для военного, прошедшего сквозь пламя войны.

Клонилось к закату время великой эпохи, рушились стены, навсегда стирая границы между непримиримыми идеологиями, но, как и во все смутные для России времена, для этих людей в погонах, верных воинской присяге и долгу, неизменными оставались понятия Отечество и Честь.

Ленск, 2019 г.